

Визит прекрасной дамы

Роман Солнцев

Роман Солнцев родился и вырос в Татарстане, окончил физический факультет Казанского университета, работал по специальности в Красноярске, в сибирских геологических партиях. Первая большая подборка его стихов была напечатана в 1962 году в журнале «Юность». Сегодня Роман Солнцев — автор двух десятков книг стихов и прозы. Из поэтических сборников хорошо известны «Вечные леса», «Скажи сегодня» (к нему написал предисловие Виктор Астафьев), «Волшебные годы», из повестей — «День защиты хорошего человека», «Дважды по одному следу», «Иностранцы». По его пьесам ставились спектакли в театрах Москвы, Санкт-Петербурга, Красноярска, снимались фильмы (картина «Торможение в небесах» получила Гран-при в Страсбурге). Живет в Красноярске, редактирует литературный журнал «День и ночь», член Русского ПЕН-центра.

туте биофизики... но его, Кирсанова, не должны бы тронуть. Он недавно введен в экспертную комиссию при Государственной Думе. Хотя... для Сибирского отделения Академии это не указ. Захотят — уволят.

Или жена заболела? Она проговорилась на днях, что собирается к врачу, ее беспокоит постоянная боль в подбрюшье...

У Кирсановых растет дочь Аня, уже взрослая, студентка, детей больше у них не было. Всею виной обычная мерзость — аборт... в тот год Игорь Михайлович вправду загулял, исчез на месяц, и она послушалась совета своей мамы, не захотела от него рожать... Потом, конечно, каялась...

Ну, бывает, случается такое у мужиков — тоска погонит в темную компанию, да порой даже без баб, простите... просто к бутылке водки и куску черствого хлеба...

Дура.

И с тех пор жена боялась, что муж на самом деле уйдет. Ревновала на вечеринках, на всех банкетах, которыми заканчивались конференции. Игорь Михайлович, импозантный, с бородкой мужичок, ловкий, на кривоватых ногах, великолепно, даже лихо оттанцовывал подлюбую музыку, при этом строя веселые рожи и крестясь...

Да, это он умел.

Но ему никогда не нравился сыск, пусть даже и женин.

Вот дверь гостиничного номера 302, красноватая из-за наклеенного шпона, кое-где отлипшего. Старый врезной замок с выбитым сердечником (в дыру можно заглянуть) перекопился в гнезде. Но зато вставлен повыше замок новый, с желтой медной щелкой для ключика, похожей на сложенные ладошки или...

Заранее хмурясь и настраиваясь на бранчливый лад, Игорь Михайлович толкнул дверь — она открылась. В комнате горел тусклый свет под потолком.

Странно, запах духов здесь плавал не тот, к какому привык Кирсанов. Верно, купила иную марку.

— Ты где? — позвал Игорь Михайлович, заходя в комнату и захлопывая ногой дверь.

— Сейчас! — отвечал женский голос из ванной, где шумела вода.

И голос ему показался каким-то странным. Наверное, что-то случилось. Когда что-нибудь происходит, у женщин меняется голос.

Кирсанов сел в кресло возле столика и закурил. Две кровати стоят рядком... она их придвинула друг к другу?

И чемоданчик взяла с собой какой-то необычный. Новый, с шариками по углам, хорошо катить. Специально купила?

Конференция открывается завтра, сегодня день заезда. Жена, конечно, об этом знает. Чтобы избежать

1.

Игорь Михайлович приехал в И-ск по приглашению: наконец-то экологов и биофизиков собирают на конференцию, посвященную судьбе сибирских рек и озер. Не без труда он обнаружил в вечерних сумерках среди кривых улочек и переулков обшарпанную гостиницу с названием «Яхонтъ». И когда, назвав свою фамилию, попросил у женщины-администратора одноместный номер, ему ответили:

— Зачем же вам одноместный? Двоим тесно в одноместном.

— А зачем мне двухместный? Я хочу быть один.

— Это обойдется для вас дороговато, — уже улыбалась администратор.

— Я доплачу, — Игорь Михайлович все еще не понимал, что произошло.

— Ну, хватит шутки шутить. Триста второй номер. — Администратор кивнула. — Жена ждет вас.

— Жена? Она прилетела?

— Да, да! — уже раздраженно ответила женщина. — Вы же Кирсанов? Ключ у нее.

Игорь Михайлович ожидал от своей жены чего угодно, только не такой неожиданности. Да она и не просилась с ним в И-ск. Решила побыть рядом, послушать доклады? Или боится, что снова загуляет и, как случилось год назад, пришлет пьяную телеграмму: «Прощай, ухожу в свободный полет. Больше я не Игорь. Ига больше не будет. Только Рь».

Странно. Потирая кулаком грудь (сердце вдруг заскулило), закипая из-за бессмысленности предстоящего объяснения, Кирсанов ехал с чемоданчиком на свой этаж. Лифт был дряхл, потрескивал и пошатывался, как трамвай.

Зачем, зачем она прилетела? Он-то приехал поездом, и если жена его опередила, стало быть, прилетела самолетом. И если она сделала ему такой подарок, в этом должен быть какой-то смысл.

«Может быть, я забыл о чем-то? У нее день рождения весной. Сейчас осень. День нашей свадьбы летом. Мой день рождения в декабре. Зачем она прилетела?»

Что-нибудь случилось? Может быть, ей рассказали что-то чрезвычайно важное... например, о предстоящем сокращении в Инсти-

нелепых и долгих выяснений (неважно, в связи с чем), Игорь Михайлович достал из своего чемодана откупоренную вчера в вагоне бутылку коньяка и налил себе довольно много в гостиничный широкий стакан. Прищурился и выпил. Сердце отпустило.

Пусть теперь говорит что хочет.

2.

Открылась дверь ванной, и к Кирсанову вышла незнакомая женщина. Что за черт!

Увидев, как он изумился, она расхохоталась, и только теперь по ее острым белым зубам и вздернутому тонкому носику на плоском лице он признал Нину Петрищеву, однокурсницу.

— Ты? Какого хрена!..

— Ну-ну-ну!.. — она подошла к нему в полустегнутом махровом халате с голубыми цветочками, показывая то одну, то другую точеную ножку. — Что, уж и в гости нельзя? Не хочешь — сейчас же уйду!

— При чем тут «хочешь — не хочешь»?.. — растерянно поднявшись, бормотал Игорь Михайлович. — Как ты сюда попала? У тебя что, и паспорт не смотрели?

— Почему же не смотрели? — веселилась бывшая однокурсница. — Я по паспорту Кирсанова. Могу показать.

Недоуменно он воззрился на нее.

А меж тем Нина погасила улыбку, села в кресло, забросив ногу на ногу. И какое-то время молчала.

— Ну и что?.. — сказала наконец. — Сменила фамилию. Разве не разрешается?!

«Но почему на мою?..» — можно было спросить у нее, но Игорь Михайлович уже знал ответ. Потому что она любила его, с первого еще курса, эта коза, эта спортсменка, вечная бегунья на университетских кроссах, как, впрочем, и он, Кирсанов, победитель на стометровках. От Нины всегда остро пахло потом, она волосы стригла коротко, носила тонкий серый свитерок в обтяжку, когда грудки вызывающе торчат, на ногах вечные советские кеды.

Игорь никогда не относился к ее обожаению всерьез: она некрасива, к чему слова тратить. Но когда летом, перед пятым курсом, в турпоходе через марийские леса, в темноте, вдали от костра, она вдруг остановила его шепотом из кустов: «Игорь, горе мое...» — и подбежав,

припала к нему, он почувствовал, как у нее дрожат колени. А рука, обнявшая его за спину, такая сильная — как железный прут! Спортсменка! Только вот хнычет...

У Игоря от этого неожиданного безмолвного признания сладко и больно зануло в кишочках. Зачем же так?! У него есть Аля, Алевтина, первая красавица на курсе.

— Я знаю, знаю... ты Малееву любишь... — шептала Нина, уткнувшись лицом, носиком ему в грудь. — Но ты подумай... Я-то тебе буду верна... а у нее мать трижды замуж выходила... актриса...

Ну и что?! Чего в жизни не бывает.

Как-то ему удалось тогда мягко отстранить плачущую Нину, вернуться к друзьям возле огня. Петрищева не появилась и позже, когда, сидя на бревнах и уставясь в тлеющие угли, студенты и студентки негромко пели песню за песней: «Сиреневый туман», «Я не знаю, где встретиться нам придется с тобой»... Наверное, заползла в девичью палатку и там лежала, глотая слезы...

А позже, к концу пятого курса, в марте-апреле, и все прочие девицы словно с ума сошли... скоро же распределение... искали женихов... На танцах прижимались больше обычного, закатывали глазки, читали с придыханием стихи Цветаевой «Мне нравится, что вы больны не мной...»

Нина еще раз попыталась объяснить с Игорем на одной из университетских дискотек, но Игорь искал в полусумраке свою Алю и довольно грубо обошелся с Ниной.

— Нет, я сегодня не танцую... ногу подвернул... Извини.

— Эх, ты!.. — прошелестела Нина, больно, очень больно сжав его пальцы. — Она же балда.

Ну уж, Петрищева, так нельзя. Да, верно, Аля никогда аналитическим умом не отличалась, эта девица наивна и молчалива, как большая кукла. Но личико у нее — невыносимой красоты. Только целовать и целовать. Вскинет серые глазки — голова у любого парня кругом идет... Да, крупновата телом, да, медлительна, да, не сразу ответит за вопрос... но с ума сойти!..

И всё, более не случилось у Кирсанова разговоров с Ниной. Позже они виделись на университетских сборах выпускников — вот пять лет прошло, вот десять... а вот и двадцать! Нынче же Игорь с Алей и вовсе не ездили в город юности.

Так вот тебе встреча с однокурсницей бог знает где, в городе на Байкале.

Да еще с однокурсницей, которая взяла твою фамилию. Зачем? Зачем она прилетела?

И снова, снова заскулило сердце... Сейчас бы ледяной воды выпить...

3.

— Ла-адно, — вяло, как бы даже безразлично протянула Нина Петрищева, ныне Кирсанова. — На ночь глядя не прогонишь, наверно? Хотя здесь и две кровати, могу лечь подальше на пол... я сквозняков не боюсь, а ты — устраивайся, как белый человек.

— Почему? Я тоже могу на полу, — как-то нелепо ответил Кирсанов.

— Тоже — в смысле со мной? — усмехнулась гостья.

— Нет... я...

Она усмехнулась.

— Боишься. Господи, да я по делу прилетела.

— По делу? Какому?

— А может, уже и не нужно об этом. Тут надо быть смелым. А ты и жены боишься. Ишь, в ожидании полбутылки выпил. Думал, это она выйдет из ванной? Злая Афродита из пены?

Наблюдательная, она снова смеялась, показывая острые белые зубы. Да зачем же она прилетела? Конечно, хочет с ним ночь провести!

А за истекшие два десятилетия изменилась... кожа лица стала темнее, точно от загара... а глаза от этого ярче, как у башкирки или молдаванки... и родинка слева от носа исчезла...

— Что так смотришь? Гадаешь, зачем?.. Думаю, что не угадаешь.

— Сначала скажи, когда фамилию сменила, — хмуро спросил Игорь Михайлович.

— Ой-ой! Думаешь, это ближе к теме? Лет семь назад. И что ты из этого выведешь? Какой интеграл? — Она вскинула голову, оглядела потолок с тусклой люстрой. — Выходила замуж, не понравилось.

Легко вскочила, достала из сумочки пачку сигарет.

— Ничего, если я закурю?

«Ты куришь?» — хотел воскликнуть Кирсанов, но промолчал — протянул зажигалку и высек пламя.

Когда-то юная Нина ругала мальчиков за то, что они травят себе легкие гнусным дымом. «Разве далеко убежишь, если у вас в груди не светлые гроздья винограда, а черная рогожа! Видели бы себя в рентгенкабинете!»

— Когда не любишь, всё не нравится — и как ест, и как спит... — Она вдруг замолчала и странным взглядом посмотрела на Кирсанова. — А ты как, хранишь?

«Не больна ли она... вдруг явилась отомстить, наградить чем-нибудь... — мелькнуло в голове Кирсанова, но, поймав ее быструю улыбку, он тут же устыдился своих идиотских страхов. — Нет, приехала, потому что любит. До сих пор. И, в конце концов, почему нет?!»

— А на днях подумала, — Нина оскалилась, глядя на вьющийся голубой дым. — Ты еще молод, для мужика сорок с чем-то — блеск. Для нас, женщин, срок посерьезней. Но тоже нестрашный. В таком возрасте и детей рожают. Даже модно сейчас стало — если женщина сильная и по настоящему любит... это даже интереснее, чем по глупости, грызя косичку...

«Понятно», — подумал, цепенея, Игорь Михайлович.

Но он так не мог. Если бы под настроение в номер незнакомка влетела... или знакомая красотка уже из новых времен... Но эта — она ведь его любила...

Наверное, надо было сейчас подняться и, как бы шутя, показать на дверь: «Уходи, самозванка Петрищева! Я люблю Алю... у меня дочь... я вполне состоялся... у нас все хорошо...» — Но он сидел как привязанный и смотрел на точеные ножки бывшей спортсменки. Они были босые, зеленые резиновые пляжные тапочки упали на старый посеченный линолеум.

— Ой, ой, уж не думаешь ли ты?.. — вдруг расхохоталась Нина, глядя на побледневшего однокурсника. — Нет, у меня вправду же серьезное дело. Мы должны вспомнить один разговор.

— Разговор? — недоуменно спросил Кирсанов. — Какой разговор?

— Разговор? Сейчас напомним. — Она, улыбаясь и гася улыбку, играла пальчиками ног, как-то замысловато пригибая то мизинцы, то большие пальцы...

«Какая, наверно, до сих пор сильная, — подумал Кирсанов. — И как же это обидно: осталась в жизни одна. Была отличница, блестяще выучила английский, а что я, например, помню из английского? Так, пару фраз.»

— Помнишь, на первомайском кроссе бегали? — кивнула Нина. — У тебя майка на спине была черная.

— А от тебя как от лошади пахло... — Зачем Кирсанов так сказал? Все-таки страшно чего-то непонятно, страшно ее?

Но Нина не обиделась.

— Сейчас не пахнет, — легко отмахнулась она. — Господи, что мы ели? Что пили? Кстати, докторскую я не стала защищать. Зачем?! Хватит и кандидатской, чтобы доказать, что мы, бабы, тоже не круглые... Кстати... — она запнулась, чуть покраснела, сделала вид, что закашлялась от дыма. — Прости, хотела спросить, как твоя красавица?

— Преподавала в институте, сейчас на заводе занимается экологией...

— Там больше платят, — согласилась Нина. — Больше, больше, больше. — Ее, казалось, снедало нетерпение. Но она поддержала разговор об экологии. — А делать ничего не надо. Мы для директоров — как живые индустриальные «Боретесь за экологию?» — «А как же! У нас и человек есть с дипломом».

Она вспорхнула, большая, смутная, отошла к окну.

— Погубим мы страну, Игорь. Яду всякого, взрывчатки набралось по складам — хватит на сто России. Налей и мне.

Игорь Михайлович принес из ванной второй стакан (почему-то в номерах всех провинциальных гостиниц только по два стакана), разлил остатки коньяка Нине и себе.

— Ты не алкоголик? — вдруг она строго оглядела Кирсанова. — Говорят, запивал?

— Было, — угрюмо ответил Кирсанов. «Зачем она так глядит? Слово оценивает, гожусь в отцы ее будущего ребенка или нет».

— Пить надо немного, Игорек, — ласково проговорила женщина. — Глоток — и хватит. «Глоток свободы».

Она вновь села напротив, и бывшие однокурсники снова замолчали. «Что же делать? Почему молчит? А, будь что будет...» — подумал Игорь Михайлович. — Только вот стыдоба, если не получится... Ты никогда не был в себе уверен. Был самоед и остался самоедом!»

В дверь стукнули. Кирсанов и Кирсанова растерянно переглянулись, затем Нина, приподнявшись, резко спросила:

— Кто? Мы ничего не заказывали.

За дверью женский голос что-то спросил, и шаги проследовали дальше. Игорь Михайлович потер грудь в области сердца.

— Совки!.. — усмехнулась Нина. — Мы же тут супруги... чего бояться?.. Господи, может, наши дети будут другими? — Опять она про детей. — У тебя дочь смелая?

Трудно ответить на этот вопрос. Дочь выросла рыхлая, болезненная, училась хорошо, но засиживалась до утра за компьютером — переписывалась по интернету с мальчиками разных стран, посылала свои фотографии и распечатывала у папы в институте фотографии своих корреспондентов. Единственное, что очаровывало, — это лучистые глаза, перешедшие к ней от мамы по наследству.

«А у нее нет детей. Если были бы, сама бы сказала. А может быть, обойдется. Просто поболтаем, вспомним...»

И, к его огромному облегчению, она заговорила вовсе об ином.

— К этому разговору трудно перейти, но сейчас. — Она улыбнулась совершенно обольстительно, блестя глазницами и зубами, крутя в тонких длинных пальцах стакан с темно-золотой жидкостью. — Помнишь, сколько мы тогда пели!.. И в вагоне... и у костра... почему-то много украинских песен пели, да? А блатных нет, правда? А ты замечательно свистел... «Танго соловья» свистел... «А море грозное ревели и стонало...» Можешь?

И она смотрела на него уже каким-то иным взглядом. Кирсанову показалось: в ее «Можешь?» теперь был точно вложен некий смущающий смысл.

Почувствовав, что краснеет (уж не в третий ли раз?), Игорь Михайлович сложил сухие губы, как это надо сделать для свиста, и вывел тоненьким звуком начало «Соловья». А потом поднес сложенные лодочкой ладони к губам — и вот уже в ладонях завывала мелодия...

— Ты всегда был талантливый мальчишка! — отmeldила восхищенно Нина. — Помнишь, как барьеры брал? Летел как воробышек: порх, порх...

— А ты прыгала дальше всех.

— Дальше, чем надо. Все приземлялись в песке, в мягкое, а я на землю, на камень... — Произнеся эту, более чем иносказательную фразу, она окуталась едким дымом и вправду закашлялась. — Ладно, о чем мы? Ты, наверно, хочешь спать?

— Нет! — воскликнул Игорь Михайлович, и у него это «Нет!» получилось как у испуганного человека.

Нина расхохоталась, рассмеялся криворотом и Кирсанов.

— Тогда споем?

— Давай. Начинай ты. Я, наверно, уже слова позабыл. Петрищева-Кирсанова поднялась, прошла босая, легко, словно танцуя, по номеру, и вдруг зайдя со спины, обняла Кирсанова.

— А молча петь можно? — Она положила голову ему на плечо, щекоча ему ухо коротко остриженными, завитыми волосами, и долго так стояла.

«Что же мне делать?.. — мучился Игорь Михайлович. — Будь любая другая... полужнакомая или даже незнакомая... но ведь она столько лет любит... нет, не могу. Пусть так все и останется. Но как это сделать? Ночь впереди. Лечь на пол, ее уложить на койку. И как бы проспать».

— Так вот я о чем хотела с тобой поговорить. Помнишь, однажды бежали рядом... ты — от нашего курса, а я — от сборной университета...

— Марафон? — вспомнил Кирсанов.

— Да, марафон. Я подвернула ногу, ковыляла, как могла, и ты, истинный рыцарь, бежал рядом...

«Я к тому времени почти выдохся и понимал, что лидеров из мединститута уже не догнать...»

— И вот — разговорились... помнишь?

А вот этого Кирсанов не помнил. О чем-то перебрались словами.

— Ты совершенно гениально объяснял мне историю Большого взрыва, начало жизни во Вселенной... как из огня могло выйти живое... да еще такая совершенная система, как этот наш мир, где все зависят друг от друга, люди, змеи, цветы, микробы, трава... где разорвать одну пищевую цепочку — рухнет всё остальное... Здесь, конечно, присутствует главный «профессор», говорил ты. Он всё рассчитал, как гигантский компьютер, и в своей огромной химлаборатории выстроил эти миллиарды цепочек... это как мы делали опыт: во время электрического разряда во влажной среде возникают подобия аминокислот...

Она подышала ему в шею.

— Я даже не об этом. Ты фантазировал, ты распоряжался жизнью во Вселенной небрежно, будто ты сам и есть бог... сыпал метафорами, сравнивал молнии с собаками, привязанными к земле железной проволокой... за эти сорок два километра ты мне раскрылся, как, ну я не знаю, Эйнштейн и Маяковский, вместе взятые... ты помнишь, как ты объяснял числа? Почему триедин бог и почему неправильно это трактуют? И почему именно через семь лет в человеке всё обновляется, вплоть до костей? Ты слушаешь меня? — Она обошла кресло с Кирсановым и вновь странно, наклонясь близко, всмотрелась в его глаза. — Помнишь? Ты себя тогдашнего помнишь?

Кирсанов молчал. Он смутно помнил этот бег. Помнил прежде всего то, что ужасно боялся упасть обессиленным в землю и потому хвастался, бормотал черт знает что, губы горели, глотка иссохла, а девица рядом неслась бесшумно, как хромотая лань, и только ахала: «Ну, ты гений! Говори!..»

— Не помнишь?.. Я пожаловалась, что бежать мне больно, и на несколько минут мы сидели на траве, и ты продолжал говорить... радуга висела над нами... коровы вошли в речку и стояли... теленок бодал ветлу... Сегодня, в серые наши дни, мне так не хватает этого божественного света. А в тебе он был. И, конечно, никуда не делся. Ну скажи, скажи мне, ведь стоит жить?

— Ну, наверно, — пробормотал Кирсанов.

— Бедненький, ты устал... — пробормотала Нина.

Измученный Кирсанов пожал плечами, пытаясь представить, как же пройдет эта ночь. Нина вновь закурила и долго смотрела на него.

— Иди в ванную, милый.

— Да-да.

Нина прикоснулась губами к его щетинистой к ночи скуле.

— А я пока тебе постелю.

— Хорошо, — тихо ответил Игорь Михайлович и, сбросив ботинки, достав домашние тапочки, побрел под душ. И в самом деле, после поезда, после долгой дороги надо освежиться.

Он разделся, включил теплую воду и долго стоял под шумным ливнем.

Почему-то вспомнились стихи Иннокентия Анненского:

Среди миров, в мерцании светил,
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.
И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

Ему почудилось, что где-то рядом хлопнула дверь — наверно, в соседнем номере. А если этот звук в его номере, наверно, Нина открывала окно, проветривает комнату.

Он вспомнил, как однажды во время университетской эстафеты неожиданно подступила и грянула гроза. И он, Игорь, весь мокрый, опередив соперников, подбежал с палочкой к Нине, ожидавшей его и подпрыгивавшей от нетерпения, но, заскользив на асфальте, никак не мог всунуть ей в руку эту палочку... она руку вправо — он влево... она влево — он вправо... а время идет... Она хохочет от возбуждения, скалит зубы, сердится... Наконец — цап! — и помчалась...

Из-за неловкости Игоря группа биофизиков проиграла три секунды.

Боже, когда это было?! И о чем она так сегодня его спрашивала? Что уж такого особенного он ей мог, да еще на бегу, рассказать? Нет, конечно, она приехала побыть с тобой в постели...

Стыдливо улыбаясь, хоть и снова в брюках, в майке, Игорь Михайлович вышел из ванной и увидел, что однокурсницы в номере нет. На столе белела записка: «Пошла в ресторан заказать ужин в номер. По телефону не принимают. Просят сразу оплатить. Деньги у меня есть».

Кирсанов улыбнулся (да, будет лучше, если они еще выпьют, да и закусят чем-нибудь вкусным) и стал ждать. Он не обратил внимания на то, что не видно ни чемодана Нины, ни ее зеленых пляжных тапочек (не в них же она сошла вниз, в ресторан?).

Стукнули в дверь.

— Да-да! — Кирсанов поднялся, чтобы открыть.

Официантка, запаренная, румяная, как булочка, вкатила столик на колесах. На столике красовалась всякая закуска в тарелочках с виньетками, лежала одна вилка и один нож, поблескивал один фужер. На салфетке покоилась бутылка красного вина.

— За все заплачено, — утирая лоб, сказала официантка, перекладывая на стол еду и откупоривая вино. — Приятного аппетита.

— А почему один нож?.. — только сейчас обратил внимание Кирсанов. — И фужер один?

— Так сказали, — отвечала румяная девица, выкатывая из номера столик на колесах и закрывая за собой дверь.

— Нина!.. — завопил Игорь Михайлович, бросаясь к шкафу. Там не было ни ее чемодана, ни какой-либо ее одежды. — Ниночка...

4.

Какой ужас! Какой позор! Какое тупоумие!..

И вдруг Кирсанову показалось, мысль захватила до удущья, что именно эту быстроногую он любил в юности, они друг друга всегда так понимали... а глазки царевны-несмеяны были всего лишь отвлекающим колдовством, болотным туманом...

Он выбежал на улицу. Нины Петрищевой нигде не было видно.

Возле гостиницы замерли три машины с желтыми пашками.

— Ребята! Мужики! Не видели — женщина с белым чемоданом выходила?..

— Поехала. В ту сторону.

— Это куда? На вокзал? В аэропорт?

— А хрен ее знает, — ответил один из таксистов, дожевывая чебурек. — Тут выезд один.

— Давайте, сначала на вокзал.

Такси помчалось, разбрызгивая осенние лужи, успевая чудом пролетать светофоры на желтый, и вот железнодорожный вокзал, похожий на трехэтажный торт. Кирсанов, сунув сотенную бумажку водителю и попросив подождать, метнулся к кассам.

Народу здесь было немного, Нины Петрищевой нигде не видно. Игорь Михайлович выскочил на перрон — поезд на посадку еще не подавали.

«Объявить по радио? Нет, наверное, она не здесь, а поехала в аэропорт. Она, быстрая, не из тех женщин, которые ездят в унылых поездах».

«Милая... ну, почему ты убежала? Ведь мы столько не виделись... ты же умная, психолог, должна понимать, что мне очень трудно сразу вернуться в минувшие време-

на... Может быть, я и вспомнил бы, что рассказывал тебе... сорвал бы коросту времени с себя... Ты меня любила и этим поощряла мой язык — вот я и расцветал, как ивовый плетень после дождя... так у Гоголя из жерди, воткнутой в землю, вырастал тарантас...»

Аэропорт жил обычной жизнью. Долдонило радио, объявляя регистрацию на разные рейсы. Просканировав взглядом толпу, все три очереди к весам регистрации, Кирсанов провалился к окошку справочной.

— Девушка! Я заплачу!.. Можно объявить, что Кирсанову ждет Кирсанов возле справочной?

Усталая, худенькая женщина тускло глянула на него.

— А билет у вас есть?

— Билета нет.

— Без билета не могу.

— Почему? — изумился Кирсанов.

Женщина не ответила. А сзади уже напирали. Один смуглый усач, как теперь принято говорить, кавказской национальности, дружелюбно объяснил:

— Это может показаться шифром. Вдруг призываешь взорвать?

— Я куплю билет!.. — забормотал уже полную нелепость Кирсанов и, махнув рукой, побрел по аэровокзалу смотреть, смотреть, озираться.

Но Нины Петрищевой не было нигде. Неужто уже улетела?

Наконец, Кирсанов вспомнил: у него с собой имеется сотовый телефон. Включил — и трубка тут же запиликала.

— Кто? — хрипло крикнул Кирсанов.

И не сразу понял, что это жена. Сквозь треск и гул услышал ее мягкий голос:

— Как ты?

— Нормально. Завтра начинаем работу. — И уже хотел прервать разговор, как она упрекнула:

— А почему не спросишь, как я?

— Как ты? — как можно более спокойно осведомился Кирсанов, сатанея из-за убегающего времени и всё оглядываясь, озираясь как вор.

— Мне скучно без тебя... — чуть гнусаво, по-детски, ответила Аля.

— Целую, — буркнул Кирсанов и тут же набрал код города, где они учились, и номер телефона однокурсника Марка Фиша. Марк памятный, всё знает.

К счастью, Марк Семенович оказался дома.

— Алё-у, — загудел в ухе тягучий, мохнатый голос Фиша.

— Марк, это я, Кирсанов!.. Вопрос на засыпку. Не помнишь, откуда прилетала на наши сборы эта... ну, эта... Нина Петрищева, бывшая спортсменка.

— Петрищева?.. — задышал в трубку Марк. — Если мне не изменяет память, то ли с Сахалина, то ли с Камчатки. Я могу уточнить, но завтра.

— Спасибо, спасибо... — растерянно отозвался Кирсанов, отключая трубку. Глаза его уже шарили по черной доске с выпрыгивающими словами и цифрами. Никакого рейса на Дальний Восток в ближайшие часы не ожидалось.

Но ведь горячая, уверенная в себе женщина могла улететь куда угодно.

«Если уж, узнав о готовящейся конференции экологов, она примчалась бог знает откуда, наверняка она взяла отпуск. И могла улететь отсюда хоть в Москву — там много наших выпускников. Как раз сейчас радио объявило, что закончилась посадка на рейс 137».

Пойти, попытаться узнать, не села ли Кирсанова на этот рейс?..

Зачем? Даже если она там, что можно сделать? Не остановит же Игорь Михайлович самолет...

Он вышел к такси, которое его ожидало, медленно сел и махнул рукой в сторону города.

Было мучительно стыдно. И жизнь вдруг раскрылась такая пустая... гундосая красавица жена, гундосая дочь, с которыми не о чем и поговорить... И даже на лыжах зимой не выйти...

5.

Когда Кирсанов вернулся в гостиницу и замер в растерянности посреди холла, размышляя, что же он сейчас должен сделать, администратор (она еще не сменилась) подозвала его:

— Вы ведь Кирсанов?

— Да.

— Ваша жена сказала, что подает на развод, возвращает девичью фамилию. — И, соболезнующе глядя, спросила: — Так серьезно поссорились?

«А из какого она города? Она же, наверно, заполняла карточку?» — хотел спросить Игорь Михайлович, но из неловкости промолчал.

Уже не нужно, ничего не нужно. Да и вряд ли Нина заполняла какую-либо бумажку. Небось, отшутилась: мол, муж заполнит. А то и просто сунула деньги — ведь организаторы конференции забронировали и оплатили Кирсанову лишь одно место.

Игорь Михайлович поднялся к себе в номер. Там, конечно, никого не было. Лишь на столе красовалась закуска и мерцало налитое в одинокий фужер красное, как кровь, вино.

Может быть, Нина пошутит? И она где-то здесь?

Кирсанов снова заглянул в платяной шкаф, в ванную, под одеяло на подготовленной для него постели у стены. Другая кровать осталась запроваженной по казенному.

Нет, ее нет.

Он еще раз перечитал записку, надеясь найти в ней что-то новое, особо важное для себя, но слова выражали ровно столько, сколько они выражали.

Надо же. Еще и оплатила ужин.

В злобе на себя Игорь Михайлович выпил вина, еще налил, еще выпил — и пошел, упал на обе койки поперек.

И лежал, и давился слезами... Он всегда угадывал, о чем думает эта сумасшедшая... и никогда не понимал свою красавицу с застывшей красотой на ангельском сонном личике...

Кто скажет нам, что есть любовь? И почему слишком поздно начинаешь понимать истинную цену жизненных ошибок?

К тебе приехала вспомнить твою юность, твою талантливость отважная, великолепная женщина, а ты... стал что-то просчитывать, искать подвох... стал таким же, как твоя жена... безнадежно ленивым душой... ты заразился от нее... ты уже неизлечим...

Конечно же, Нину Петрищеву искать тебе не нужно. Ты ничтожество. Ты даже себя не помнишь. Она тебя не ждет. Ничего не вернуть.

А может быть, можно вернуть?.. Может быть, можно, можно?..

«Надо подумать... подумать...»

Кирсанов сбросил пиджак, надел тренировочные брюки, в какие обычно переодевался для удобства в гостиницах, вновь обул ботинки (жаль, нет кедров) и выбежал в ночной чужой город...

Он медленно несся по кривым улочкам, плохо разбирая дорогу при свете редких фонарей, мимо мерцающих в сумраке старых церквушек с золотыми куполами, над гигантских зеркалом великого сибирского озера... и ему казалось, что вот-вот его догонит быстроногая девушка, дыхания которой почти не слышно, и толкнет в мокрую спину и передаст эстафетную палочку — обычную деревянную палочку, окрашенную масляной краской в два цвета — в синие и красные колечки...

Засвистел милиционер.

«Догоняй, мне всё равно...»